

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Волков А.

**БЛАЖ. АВГУСТИН ПО ЕГО
«ИСПОВЕДИ»**

Странник, 1893, № 8, с. 375—396; № 9, с. 3—16

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИНЪ

ПО ЕГО «ИСПОВѢДИ» (Confessiones).

ИСТОРИЯ сохранила намъ имена немногихъ людей, влияние которыхъ на окружающій ихъ мiръ, не ограничивалось ихъ временемъ, далеко—далеко проходило на многіе и многіе послѣдующіе вѣка. Дѣла этихъ людей безсмертны, а ихъ личности классически общечеловѣчны. Эти люди не боятся за себя предъ другими, напротивъ—смѣло даютъ мiру отчетъ о своей жизни. Какъ такіе, эти люди, обыкновенно, бываютъ свѣтлыми личностями. Даже самыя тѣни на этомъ свѣтовомъ явленіи выступаютъ лишь съ цѣлью ярче и рельефнѣе выказать исходящіе изъ него лучи. Къ числу подобныхъ людей принадлежитъ и бл. Августинъ, Епископъ Иппонійскій, въ Африкѣ, великій учитель Церкви. Мы имѣемъ охарактеризовать его по его собственной „Исповѣди“.

Ничего не скрывалъ и ни въ чемъ не оправдывался, собственною рукою и въ яркихъ краскахъ бл. Августинъ рисуетъ въ ней собственныя же паденія и собственное возстаніе. „Богъ насъ сотворилъ, а мы, ища истину и блаженство, бросили себя въ глубину зла; но кто насъ сотворилъ, тотъ насъ—кающихся—и вновь возсоздастъ“ (Confes. Lib. I, cap. 5)—эти слова опредѣляютъ откровенный и искренній характеръ

этого произведенія. Поучительное содержаніе, высокая цѣль и потрясающее общее впечатлѣніе, получаемое при чтеніи „Исповѣди“, въ связи съ обаяніемъ, производимыхъ на читателя самой личностью ея автора — вотъ ея отличительныя черты. Что же содержитъ „Исповѣдь“ бл. Августина?..

Она рисуетъ картину души человѣка. Но она — „Исповѣдь“ не есть психологическое разсужденіе объ умѣ, волѣ и чувствѣ, не отвлеченное изслѣдованіе о страстяхъ, не поверхностная правоучительная самобіографія, но свободная обрисовка полного индивидуума въ его постепенномъ развитіи — отъ дѣтства до зрѣлости, со всѣми его влеченіями, цѣлями, заблужденіями, идеалами. Онъ имѣлъ въ виду показать человѣку путь къ достиженію „сущности его жизни“ ¹⁾, которая заключается въ познаніи Высочайшей истины и въ полученіи совершеннѣйшаго блаженства ²⁾. Наученный въ данномъ отношеніи долгимъ опытомъ и перетерпѣвшій всѣ невзгоды „ума пытливаго и сердца безпокойнаго“ ³⁾, онъ безъ малѣйшей утайки раскрываетъ свою жизнь, дабы „Богъ прославился и дабы поучился ближній“ ⁴⁾. Пусть узнаютъ, говорить онъ, „изъ какой бездны паденія нѣкоторые призываются ко спасенію“, пусть убѣдятся, что „по какимъ бы путямъ душа человѣческая не устремилась, кромѣ пути ведущаго къ Богу. — всѣ другіе пути ведутъ ее къ печалямъ; и хотя предметы пристрастій человѣческихъ прекрасны сами въ себѣ, какъ творенія Божіи, но безъ Бога они не поведутъ душу къ Богу“ ⁵⁾, пусть на себѣ испытаютъ, что „душа наша до толѣ томится, не находя себѣ покоя, доколѣ не успокоится въ Богѣ“ (кн. 1, гл. 1), какъ Высочайшей истинѣ и совершеннѣйшемъ блаженствѣ — такова основная мысль „Исповѣди“ бл. Августина.

Вспоминая свое бурно прожитое прошлое, если только оно было бурнымъ, мы, обыкновенно, благодаримъ, хотя бы мысленно, лицъ, которые отвратили насъ отъ какой-либо опасности, грозившей намъ нравственной гибелью. По мѣрѣ увеличенія

¹⁾ Conf. L. 1. cap. 1, 5. ²⁾ Ib. ³⁾ L. 10, cap. 10 ⁴⁾ 10,—4. ⁵⁾ 4,—10.

опасности увеличивается и наша благодарность. Перебирая въ мысляхъ поступки, имѣвшіе привести насъ къ паденію и давая за нихъ отчетъ собственной совѣсти, мы проникаемся любовью къ нашему избавителю. Такъ было и съ бл. Августиномъ. „Я хочу припомнить, говорить онъ, прошлыя мои грѣхопаденія и растлѣніе души моею, не съ тѣмъ, чтобы любоваться ими, но чтобы тѣмъ болѣе возлюбить мнѣ Тебя, Боже мой. Вспоминая о путяхъ нечестія своего и съ горькимъ чувствомъ размышляя объ этомъ времени жизни своей, я дѣлаю это, именно, изъ желанія тѣмъ крѣпче возлюбить Тебя, чтобы Ты сдѣлался предметомъ любви моею, любви необманчивой, неисчерпаемой и неизмѣнной, ибо Ты собралъ меня, растерзаннаго и разбросаннаго по частямъ, во едино, послѣ того, какъ я, удалившись отъ Тебя одного, исчезалъ въ разсѣяніи. Было время въ юности моею, когда я сгоралъ отъ сѣдующаго меня адскаго пламени плотскихъ похотей и погрязалъ въ тинѣ тайныхъ любовныхъ похужденій; лицо мое изсохло; весь я мерзокъ сталъ предъ Тобою, любуюсь только собою и старался нравиться любившимъ меня“ (кн. 2, гл. 1). Но подобный человѣкъ скоро становится мерзкимъ и для самого себя. Перебѣгая отъ порока къ пороку, отъ паденія къ паденію, онъ, наконецъ, истощаетъ свою изобрѣтательность въ дѣлѣ угожденія плоти и по мѣрѣ этого истощенія у него пропадаетъ любовь къ прежнимъ низкимъ поступкамъ. Мѣсто любви занимаетъ отвращеніе. А отъ послѣдняго не далеко отчаяніе, если у человѣка вѣтъ высокихъ нравственныхъ интересовъ, на которыхъ бы онъ сосредоточилъ и обновилъ свои растерянные силы. Но что можетъ быть страшнѣе отчаянія? Дабы предостеречь отъ него ближнихъ, бл. Августинъ и пишетъ свою „Исповѣдь“. — „Никто не чуждъ грѣха (кн. 9, гл. 12). Такъ пусть же эта книжка, пишетъ онъ, побудитъ сердце читающихъ и слушающихъ не подвергаться отчаянію въ сознаніи собственнаго нравственнаго безсилія, но бодрствовать въ любви къ милосердію Божію и въ радости отъ божественной Благодати, подкрѣпляющей всякаго немощнаго, который при посредствѣ ея сознастъ свою немощь. И добродѣтельнымъ людямъ пріятно слышать о своихъ прошедшихъ безза-

копiяхъ, не потому прiятно, что это были беззаконiя, но потому, что они были, а теперь ихъ нѣтъ“ (кн. 10, гл. 3)... „Вотъ въ чемъ состоитъ плодъ моей Исповѣди: не въ томъ, каковъ я былъ прежде, но въ томъ, каковъ я теперь—исповѣдать это не только предъ Богомъ въ тайнѣ..., но и открыто предъ вѣрующими сынами человѣческими, соучастниками въ радости моей (обращенiи къ Богу) и сообщниками въ смертности моей (беззаконiяхъ); согражданами и сопутниками моими въ жизни сей, и прежде меня бывшими и послѣ меня имѣющими быть“ (кн. 10, гл. 4)... Нѣтъ сомнѣнiя, что намѣченная цѣль автора достигается чрезъ его произведенiе наилучшимъ образомъ.—Всегда были, есть и будутъ соучастники бл. Августина въ радости его, а, главнымъ образомъ, въ смертности его. Поэтому, каждый, читающiй „Исповѣдь“, читаетъ здѣсь свои мысли, чувства, пороки. Если онъ не дерзаетъ равнять себя съ нравственной личностью автора, которая представляется особенно высокою потому, что собственными усилями съумѣла подняться изъ „глубины паденiя“ (кн. 10 гл. 43) до вершины обще-человѣческаго идеала, однако способенъ замѣтить и въ себѣ признаки постоянной борьбы за послѣднiй. Тутъ лежитъ причина потрясающаго впечатлѣнiя, производимаго „Исповѣдью“ на читателя.

Какое чувство мы испытали бы при видѣ дорогаго нашему сердцу пловца, отважно борющагося на утлой ладѣ съ разъяренной стихiей? Трепетнымъ взоромъ мы слѣдили бы за каждымъ его движенiемъ и за каждымъ ударомъ волны. Вотъ, вотъ судно опрокинется и темная вода погребетъ въ своихъ глубинахъ дорогое существо... А что испытываетъ пловецъ?!...—Стократъ мучительнѣйшее чувство. Близость спасительнаго берега и близость смерти удваиваютъ его усилия, по сознанию собственной энергiи повергаетъ его еще въ большiй трепеть. Одинъ невѣрный поворотъ весла и лодка снова далеко отброшена отъ тихаго залива и снова начнется борьба за жизнь. Долго ли она продлится, на многоль времени хватить силъ пловца?... Судно у берега. Пловецъ въ безопасности. Радость его и его друзей неизмѣрима.—Всѣ эти состоянiя, одно за другимъ, проходятъ въ сердцѣ читателя „Исповѣди“...

Юноша Августинъ ищетъ истину и блаженство. Онъ могучъ, пылокъ, силенъ, гордъ. Онъ философски образованъ. Онъ любитъ свободу и поэтому не желаетъ подчиняться кому-либо руководителному авторитету въ своихъ поискахъ,—авторитету, хотя бы непогрѣшному. Онъ не терпитъ постороннихъ вмѣшательствъ, а хочетъ до всего дойти собственными усиліями. Но утлая ладья индивидуальнаго разума и сердца, не будучи въ состояніи выдержать бурь моря житейскаго, бросается волнами въ разныя стороны. Спасительной пристани нѣтъ. Пловецъ едва не гибнетъ и, тѣмъ не менѣе, не отстываетъ отъ предпринятаго высокоумнаго желанія, которое въ основѣ своей прекрасно. Онъ напрягаетъ всѣ усилія познающей способности, но они не приводятъ къ желанной цѣли. Онъ старается утишить удары пылкаго сердца земными благами, но оно продолжаетъ искать высшаго пеземнаго идеала блаженства. Тогда начинаются убійственныя мученія неудовлетворенности. „Истина, истина, восклицаетъ Августинъ, какъ глубоко вздыхала душа моя по тебѣ и какъ искренно стремился къ тебѣ духъ мой всякій разъ, когда толковали мнѣ о тебѣ на словахъ, или въ книгахъ“ (кн. 3 гл. 6)... „Кто не ищетъ блаженства, то его нягдѣ нѣтъ“ (кн. 10 гл. 1)... „О какія мученія терзали душу мою при рождавшихъ въ ней о всемъ этомъ мысляхъ! сколько воздыханій исторгалось изъ нея, Боже мой! тогда только понялъ я, что Тебѣ одному извѣстны были всѣ страданія мои, коихъ не могъ знать вполнѣ никто изъ окружавшихъ меня“ (кн. 7, гл. 7).—„Я никогда не выходилъ изъ тревоги, (кн. 6, гл. 6),—среди постоянныхъ умственныхъ и нравственныхъ безпокойствъ меня ничто не радовало;—вотъ конецъ, вотъ—вотъ предѣлъ моимъ страданіямъ, думалъ я... Я видѣлъ себя почти у пристани къ своей цѣли и, хотя не достигалъ еще ея, но и не возвращался уже вспять, а съ новыми силами стремился впередъ; еще немного, и я—тамъ..., но чѣмъ ближе подступала эта минута, тѣмъ въ болѣе поворачивала меня трепеть и смятеніе“ (кн. 8, гл. 11)... „Я цѣпенѣлъ въ мученіяхъ;—дай-же, Боже, рассмотреть, какъ я терпѣлъ“!.. Эти страданія души, какъ христіанки по природѣ, всегда ищущей Высочайшей истины, эти стремле-

нія сердца, жаждущаго совершеннѣйшаго блаженства, такъ универсальны, такъ свойственны каждому человѣку, что развѣ окончательно погрязшій въ пороки не почувствуетъ въ нихъ собственнаго отголоска. Последній становится еще болѣе осязаемымъ, когда старанія пытливаго юноши увѣнчиваются успѣхомъ. Наконецъ-то онъ успокоился;—наконецъ-то вполне удовлетворилъ свой разумъ и сердце; наконецъ-то съ увѣренностью могъ сказать, что „въ Церкви нашель истину и что радоваться Богомъ, о Богѣ и ради Бога—есть подлинно блаженная жизнь, и другой—нѣтъ“ (кн. 10, гл. 22). Всѣмъ этимъ объясняется обаятельное дѣйствіе, производимое на читателя „Исповѣди“ личностью бл. Августина. Характерныя черты его личности настолько общечеловѣчны, что каждый свободно припишетъ ихъ себѣ самому, если хорошенько раздумаетъ о собственныхъ идеалахъ. „Исповѣдь“ повѣствуетъ не о величайшемъ аскетѣ, псодражаемомъ по своей ангельской жизни, не о праведникѣ, не имѣющемъ нужды въ покаяніи, не о дѣтски невинной душѣ, свѣтлый фонъ которой не затемняетъ ни одно грязное пятно окружающаго порочнаго міра, а о человѣкѣ, которому nihil humanum est alienum, который переиспыталъ всѣ радости и невзгоды земнаго скоротечнаго бытія, который любилъ и былъ любимъ (кн. 4, гл. 2), въ одно время считалъ себя обладателемъ божественнаго вѣденія, въ другое—скептикомъ, лишеннымъ всякаго достовѣрнаго знанія (кн. 5, гл. 10), въ одно время состоялъ членомъ еретическаго общества (былъ манихеемъ,—объ этомъ ниже),—въ другое истинно—православнымъ сыномъ Церкви, и „мертвъ бѣ и живъ“. А насколько все подобное, будучи человѣческимъ, никому не чуждо, настолько никому не чужды и характерныя свойства личности бл. Августина. Онѣ классичны, подобно классическому образованію, полученному авторомъ „Исповѣди“ въ школѣ и присущи людской природѣ, подобно тому, какъ присущи ей религіозно-нравственныя идеи, воспріятыя Августиномъ еще въ младенчествѣ отъ своей матери—ревностной христіанки. Нашею задачею и является возможно точная характеристика этой замѣчательной личности по вышеупомянутому его сочиненію.

I.

Августинъ самъ говоритъ, что въ дѣтствѣ и юности былъ, онъ „склоненъ къ увлеченіямъ“ ¹⁾ и что по временамъ имъ овладѣвала „неукротимая страстность“ ²⁾. Картинно рисуетъ Августинъ этотъ неустойчивый періодъ жизни человѣка, ничего не скрывая и ни въ чемъ себя не оправдывая. Пусть поучается читатель,—пусть со вниманіемъ заглянетъ въ собственную душу—нѣтъ-ли и въ пей подобнаго же? Никто не чуждъ увлеченій и укору раскаянія ничью совѣсть не минуютъ ³⁾,—вотъ одна изъ цѣлей автора „Исповѣди“, когда онъ откровенно рассказываетъ припадки своихъ пылкихъ страстей.

На первыхъ порахъ дѣтства природная живость мальчика выражалась въ играхъ и шалостяхъ часто очень дурнаго свойства. Онъ любилъ слушать фантастическіе рассказы, разстраивавшіе еще слабое воображеніе, любилъ ходить въ театръ и циркъ и тамъ смотрѣть на песовсѣмъ правственные игры большихъ, любилъ чѣмъ вибудь удивить своихъ болѣе взрослыхъ товарищей и съ восхищеніемъ принималъ одобрительное „браво“, которымъ большіе нерѣдко поощряютъ маленькихъ, возбуждая въ послѣднихъ гордость ко вреду дѣтской простоты и невинности. Неприглядная обстановка тогдашней школы съ ея колѣнопреклоненіями, козлами, розгами—начала развивать въ сообразительномъ Августинѣ (какъ избѣжать наказанія?..) стремленіе по лжи, желаніе первенствовать надъ другими, а по временамъ и похвальбу собственными нехорошими подвигами.—„Было ли что хуже меня, говоритъ онъ, когда я изъ привязанности къ разнымъ играмъ и увеселительнымъ забавамъ, изъ пристрастія къ театрамъ и зрѣлищамъ, съ томительнымъ желаніемъ подражать имъ, нерѣдко обманывалъ и надзирателя своего, и учителей, и самихъ родителей, употребляя на то всякую ложь? Я даже воровалъ изъ родительской кладовой, или со стола, то для удовлетво-

1) Lib. 2, c. 3. 2) Lib. 8, c. 1. 3) Lib. 9, c. 12.

ренія склонности къ лакомству, то для того, чтобы подѣлиться съ другими дѣтьми, которыя за-то допускали меня къ своимъ играмъ, раздѣляя ихъ со мною. И въ этихъ играхъ, побуждаемый желаніемъ первенства, я часто пускался на хитрости и даже обманъ для одержанія побѣдъ“ (кн. 1, гл. 19). Не-прочь былъ мальчикъ Августинъ въ рядахъ однолѣтковъ товарищей обворовать сосѣдній садъ не съ цѣлью полакомиться „ворованными плодами, а съ цѣлью получить удовольствіе въ самомъ грѣхѣ“ (кн. 2, гл. 4), въ отвагѣ, которая необходима для кражи. Если среди хвастливыхъ разговоровъ друзей Августинъ узнавалъ, что есть превосходящій его по шалостямъ, то краснѣлъ и для поддержанія своего авторитета прибѣгалъ даже къ выдумкамъ, измышляя то, чего вовсе не дѣлалъ (кн. 2, гл. 3). Тоскливо впоследствии вспоминаетъ Августинъ золотое время своего отрочества, которое при лучшемъ направленіи дѣтскихъ силъ и способностей не подвергло бы его юность великимъ нравственнымъ и умственнымъ страданіямъ (кн. 9, гл. 12). Правда, въ характерѣ мальчика было много и хорошихъ сторонъ—плодъ внушеній матери-христіанки, но онѣ ступшеывались предъ рассказанными выше дурными его поступками. Все горе въ томъ, замѣчаетъ Августинъ, что дѣтскія шалости, не сдерживаемыя виѣшнимъ добродѣтельнымъ вліяніемъ, дѣлаются любимымъ предметомъ послѣдующихъ возрастовъ жизни и, постепенно осложняясь, превращаются въ опаснѣйшіе пороки (кн. 1, гл. 19). Это съ нимъ случилось дѣйствительно. Жгучесть и пылкость темперамента, свѣжесть и крѣпость организма, недѣтски развитое воображеніе уже на шестнадцатомъ году возраста пробудили въ молодомъ человѣкѣ сильныя страсти. „Въ первое время моей юности (16-й годъ), рассказываетъ Августинъ,—этого самаго кипучаго родника нечистыхъ плотскихъ вождедѣній,—поднялась во мнѣ буря страстей и омрачила ими сердце мое до того, что я не отличалъ свѣтозарной чистоты любви отъ мрачной нечистоты похотѣнія. То и другое волновалось и перемѣшивалось во мнѣ въ безпорядкѣ, увлекая слабый возрастъ по стремлинамъ и погружалъ его въ бездну пороковъ“ (кн. 2, гл. 2). Мечты о женщинѣ совершенно имъ овладѣли. Зоркое око матери замѣтило состояніе сына и Моника (имя

матери) ласково начала предостерегать его отъ „любодѣнія“, по слова женщины казались молодому человѣку „слабостью пола“ (кн. 2, гл. 3), а отецъ не обращалъ на увлеченія сына ни малѣйшаго вниманія. Напротивъ, Патрицій (имя отца) любовался „юношеской пылкостью Августина и заранѣе восхищался будущимъ потомствомъ“ (ibid.). Семнадцати лѣтъ Августинъ отправился въ Кароагенъ для изученія краснорѣчія. Здѣсь онъ охотно знакомился со всѣми закоулками и переулками разгульной студенческой жизни, былъ хорошимъ товарищемъ, никогда не отказывался отъ пріятнаго дружескаго общества. Чтеніе *Виргилія* и *Гомера*, изображающихъ во многихъ мѣстахъ своихъ произведеній соблазнительныя похождения *Юпитера*, успокаивали цѣломудренныя біенія сердца молодого человѣка авторитетными поступками бога (кн. 1, гл. 16), а искусныя рѣчи ораторовъ, часто очертающія добродѣтель и обѣляющія порокъ, еще болѣе способствовали этому. „Не удивительно, если я по увлеченію вдавался въ суету и удалялся отъ Тебя, Боже мой, восклицаетъ Августинъ, когда мнѣ представляли въ примѣръ такихъ людей, которыхъ порицали и осмѣивали въ то время, какъ они о дѣлахъ своихъ и не дурныхъ выражались съ примѣсью барбаризмовъ и солецизмовъ, а, напротивъ, хвалили и превозносили ихъ, когда они о собственныхъ порокахъ рассказывали изящно и увлекательно, чистою и правильною рѣчью и представляли ихъ, конечно, для того, чтобы въ первомъ случаѣ не подражать, а во второмъ—подражать имъ“ (кн. 1, гл. 16). Истинно-брачной, святой и свѣтлой любви къ женщинѣ въ юношѣ не было, ибо къ браку его не побуждали (кн. 2, гл. 3). За-то въ его сердцѣ свила себѣ гнѣздо любовь тайная, закулисная, непрямая. Побуждаемый мнимыми удовольствіями послѣдней, онъ „стремглавъ ринулся въ безнравственныя похождения“ (кн. 3, гл. 1), забывъ здѣсь всякую мѣру и осторожность (кн. 2, гл. 2). „Онъ испыталъ и любовь, и взаимность, и прелесть тайнаго наслажденія, и подозрѣніе, и страхъ, и гнѣвъ, и ссору, и жгучія розги ревности“ (кн. 3, гл. 1). Театральныя зрѣлища, на которыя Августинъ ходилъ охотно и которыя были полны соблазнительными картинами любовныхъ походовъ, еще болѣе „разжигали горячій пламень страстей его“ (ibid.

гл. 2) и Богъ знаетъ, къ какому концу привела бы эта „неукротимая страстность“ (кн. 8, гл. 1) будущаго учителя Церкви, если бы его пламенная душа не обладала болѣе высшими и болѣе нравственными стремленіями и если бы каждое прекрасное вліяніе извнѣ не отпечатлѣвало свой знакъ на нѣжномъ сердцѣ юноши. Дѣйствительно, Августинъ чрезвычайно отзывчивъ къ окружающему, когда послѣднее является достойнымъ его вниманія.

Впечатлительность молодаго человѣка отличается „патологическимъ“ характеромъ. Черная несправедливость вызываетъ изъ глазъ его слезы негодованія, а прощающая любовь—слезы умиленія. Размышленіе надъ собственными пороками часто подвергаетъ его нестерпимымъ мученіямъ совѣсти, а рассказы о великихъ подвижникахъ дѣйствуютъ на него потрясающимъ образомъ и совершаютъ переворотъ въ его нравственной жизни,—переворотъ, побудившій было Августина удалиться въ пустыню, подобно св. Антонію Египетскому (кн. 10, гл. 43). „Исповѣдь“ есть плодъ впечатлительности славнаго христіанскаго учителя, никогда не могшаго забыть паденій своей юности (кн. 10, гл. 21). Совершеннѣйшее цѣломудріе, отреченіе отъ міра и любовь божественная—вотъ постоянные идеалы молодаго Августина, за потерю которыхъ онъ никогда не переставалъ страдать душевно (кн. 8, гл. 7 и др.).

Чувствительность и сердечная доброта Августина, несомнѣнно, на первыхъ порахъ его жизни, развивались подъ вліяніемъ кроткой христіанки-матери и въ противовѣсъ, жестоко-стямъ суровой языческой школы. Бесѣды Моники съ сыномъ—дитятею о Спасителѣ, взаимныя утреннія, полуденныя и вечернія молитвы, женственныя ласки и наставленія, трогая нѣжную душу малютки, развили въ немъ религіозность, любовь и состраданіе къ ближнимъ. Никакія увлеченія юности не могли впоследствии изгладить перечисленныя черты характера Августина. „Имя Спасителя моего, говоритъ онъ, воспринятое мною въ сердце съ молокомъ моей матери, глубоко лежало въ моемъ молодомъ сердцѣ, питало въ немъ непонятныя для меня стремленія, и книги, въ которыхъ не было этого имени, хотя бы сами по себѣ были совершенны,

не вполне меня увлекали“ (кн. 3, гл. 4). Иногда онъ „скорбѣлъ скорбями ближнихъ“ при видѣ чужихъ несчастій (кн. 3, гл. 2). Иногда онъ подвергался внезапной печали, встрѣчая нищихъ, но довольныхъ, а себя находя богатымъ и по знанію и по состоянію, по постоянно недовольнымъ (кн. 6, гл. 6). Иногда „снѣдала его сильная тоска“, особенно отъ сознанія людской несправедливости (кн. 3, гл. 2). Школа, считавшая исключительной цѣлью образованія лишь высокое положеніе въ свѣтѣ и употреблявшая для возбужденія энергіи учащихъ разнаго рода принижаящія человѣческое достоинство наказанія, оставила въ впечатлительной душѣ малютки глубокое отвращеніе ко всякой безразсудной принудительности. Вотъ собственныя слова Августина по этому поводу.—„Боже, Боже мой! какихъ бѣдствій и посмѣяній не испыталъ я тамъ (въ школѣ), когда мнѣ—мальчику поставляли единственнымъ правиломъ жизни слушаться наставлений, чтобы сдѣлаться въ мірѣ славнымъ, успѣть въ наукахъ и особенно отличиться въ искусствѣ краснорѣчія, служащемъ къ приобрѣтенію мірскихъ почестей и богатствъ. Съ этою цѣлю я отдалъ меня въ школу для изученія наукъ, пользы которыхъ я, несчастный, не понималъ; а между тѣмъ, когда лѣнился за ученіемъ, меня сѣкли“ (кн. 1, гл. 9). Старшіе и даже родители не внимали нашимъ мольбамъ о пощаду,—нѣтъ—они смѣялись надъ нами, что меня еще болѣе тогда убивало и оставляло въ душѣ моей самое тяжелое и грустное чувство“ (Ibid.). Подобное отвращеніе къ несправедливости сохранилось у Августина на всю жизнь. Онъ съ презрѣніемъ говоритъ объ „извратителяхъ“ (eversores)—риторахъ, которые при помощи роскошно построенныхъ фразъ и хитро сплетенныхъ софизмовъ обѣляютъ порокъ и очерпляютъ добродѣтель (кн. 3, гл. 3). Онъ порицаетъ студентовъ, вслѣдствіе собственнаго безпорядочнаго поведенія забывающихъ науку (кн. 5, гл. 9). Онъ не хочетъ имѣть никакого дѣла „съ учениками неблагодарными къ своимъ учителямъ“ (кн. 5, гл. 8 и 12). Особенно потрясающимъ образомъ подействовали на впечатлительнаго Августина рассказы объ обращеніи въ христіанство знаменитыхъ язычниковъ и объ аскетическихъ подвигахъ пустынниковъ. Здѣсь плоды нрав-

ственныхъ внушеній матери, скрыто хранившихся въ душѣ молодаго человѣка не замедлили обнаружиться съ непобѣдимую силою чрезъ укору совѣсти, которые привели Августина къ крещенію. Вотъ сжатый очеркъ этихъ разсказовъ.—Ревностный язычникъ Викторинъ, риторъ и философъ, читаетъ св. Писаніе. Углубляясь въ смыслъ святой книги, Викторинъ съ удивленіемъ и радостію чувствуетъ, что его философскій умъ обрѣлъ здѣсь давно искомую истину. Результатъ—Викторинъ оставляетъ блестящее общественное поприще и торжественно объявляетъ себя христіаниномъ ¹⁾. Въ примѣрѣ ученаго язычника Августина тотчасъ замѣтилъ свой двойникъ и „возгорѣлъ желаніемъ слѣдовать ему“ ²⁾. Рѣшающимъ образомъ на прекрасное намѣреніе юноши повліяли разсказы Понтиціона (другъ Августина) объ отшельникахъ, особенно о св. Антоніѣ Египетскомъ. — Двумъ царскимъ чиновникамъ пришлось быть въ Трирѣ. Разъ они отправились гулять въ пригородную рощу и тутъ нечаянно наткнулись на хижину пустытника, въ которой нашли книгу, описывающую жизнь вышеозначеннаго подвижника. Одинъ изъ нихъ началъ читать, и содержаніе книги произвело на обоихъ такое чарующее впечатлѣніе, что они положили оставить домъ, семью, богатство, царскую службу, съ цѣлью подражать св. Антонію (кн. 8, гл. 6). „Мы дивились, слушая разсказы о столь великихъ дѣлахъ“, замѣчаетъ Августинъ (*ibid.*). Дѣйствительно, святая и цѣломудренная жизнь отшельниковъ, ихъ нравственная чистота и строгая ограниченность въ естественныхъ потребностяхъ, ихъ совершенное отреченіе отъ міра и постоянное собесѣдованіе съ Богомъ увлекали лучшихъ людей того времени, искавшихъ выхода изъ развращенности языческаго общества, и вотъ гдѣ причина того, что повѣсть о жизни отца монашества глубоко потрясла Августина, который уже давно окунулся въ омутъ тогдашнихъ пороковъ (ему въ это время было 32 г.) и уже началъ сознать ихъ гадость. „Она—повѣсть обратила молодаго человѣка лицомъ къ лицу предъ

¹⁾ Л. 8, с. 2.—Разсказъ передаетъ Симплиціанъ—духовникъ св. Амвросія Медиоланскаго. ²⁾ *ib.* с. 5.

самимъ собою—пусть увидитъ, какъ онъ безобразенъ, уродливъ, гнусенъ“ въ нравственномъ отношеніи ¹⁾ Августинъ увидѣлъ и „ужаснулся“ ²⁾. „Гдѣ твои теперъ оправданія, сказалъ ему голосъ совѣсти?—Вотъ являются невѣжды и предвосхищаютъ небо, а мы съ тобою со всѣми холодными и безжизненными знаніями своими погрязаемъ въ плоти и крови! Неужели постыдимся послѣдовать ихъ примѣру, только потому, что они насъ предварили“? ³⁾ Мучимый раскаяніемъ, пылкій юноша „рвалъ на себѣ волосы, билъ себя по лицу, блѣднѣлъ, сжавъ руки по-между пальцевъ охватывавъ ими колѣни“ ⁴⁾...—Глубоко впечатлительныя души невольно изливаютъ собственныя ощущенія хотя бы во вѣдшихъ тѣлодвиженіяхъ. Недаромъ Кароагенскіе, Римскіе и Миланскіе студенты встрѣчали лекціи Августина по краснорѣчію рукоплесканіями, замѣчая въ воодушевленныхъ словахъ молодого профессора ⁵⁾ нѣжность и доброту сердца, которыя дѣйствительно были ему свойственны и обнаружались особенно въ любви его къ друзьямъ, къ матери и вообще къ людямъ близкимъ...

Характернымъ свойствомъ любви Августина къ близкимъ ему людямъ является неизмѣнная привязанность перваго ко вторымъ. Горячій, но разсудительный юноша, коротко ознакомившись съ образомъ мыслей и убѣжденіями товарища, отдавался послѣднему всецѣло, если находилъ въ немъ сходство съ самимъ собою. Молодой человѣкъ повѣрялъ этому товарищу свои задушевные тайны, совѣтовался съ нимъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, и искалъ его утѣшенія и участія при нравственныхъ страданіяхъ, словомъ, чрезвычайно уважалъ дружеское общество, гдѣ „члены, взаимно сочувствуя сливались какъ-бы въ одно тѣло и душу“ (кн. 4, гл. 8). Безвременная смерть дорогаго человѣка возбуждала въ Августинѣ неутолимую скорбь, свидѣтельствовавшую о сердечной его привязанности къ умершему. Любовь божественная, проникающая будущаго учителя Церкви предъ крещеніемъ, усовершенство-

¹⁾ L. 8, c. 7. ²⁾ ib. ³⁾ L. 8, c. 8. ⁴⁾ ib.

⁵⁾ Августинъ былъ профессоромъ краснорѣчія сначала въ Кароагенѣ, потомъ въ Римѣ, потомъ въ Миланѣ.

ла его плотскую любовь къ людямъ, сдѣлавъ главною цѣлью послѣдней обращеніе ближайшихъ на путь спасенія.

Августинъ еще малюткою составлялъ кружки изъ одноклѣтковъ школьничковъ, которыми предводительствовалъ въ дѣтскихъ играхъ. Эта ранняя склонность его къ дружбѣ отличалась въ юности болѣе благородными и болѣе симпатичными свойствами. На девятнадцатомъ году жизни Августинъ приобрѣлъ себѣ „любезнѣйшаго товарища по занятіямъ,—сверстника по лѣтамъ цвѣтущей молодости“ ¹⁾. Вмѣстѣ они росли, вмѣстѣ ходили въ школу, вмѣстѣ развивались. Не отставали другъ отъ друга въ студенческихъ похожденіяхъ, взаимно искали истину и оба совратились въ манихейство ²⁾. „Эта дружба, рассказываетъ Августинъ, для меня была очень дорога по причинѣ обоюдной нашей горячности и по сходству образа мыслей“ ³⁾... Я такъ любилъ друга, какъ будто ему никогда не слѣдовало умирать... Я былъ двойникомъ его“ ⁴⁾. Но товарищъ скоро отошелъ въ вѣчность православнымъ. Августинъ не находитъ словъ изобразить собственную тоску, которую испытало сердце по смерти дорогого существа.—„Я страдалъ, вздыхалъ и стоналъ, проливалъ слезы, постоянно беспокоился и тревожился... Я носился съ измученною и истерзанною душою своею и не зналъ, куда дѣваться... Ни прохладныя и благоухающія рощи, ни увеселительныя зрѣлища, ни пѣніе, ни музыка, не изысканныя пиршества, ни удовольствія чувственной любви, ни книги и сочиненія,—ничто не помогало душѣ моей, ни въ чемъ не находила она успокоенія“ ⁵⁾.—Вотъ какова первая любовь Августина къ друзьямъ, достойнымъ любви! Высшее свое удовлетвореніе она нашла тогда, когда юноша познакомился съ благородными—Алпиемъ и Небридиемъ, съ православно-вѣрующими Симплиціаномъ и Поклицианомъ—христіанами въ истинномъ смыслѣ этого слова и съ Амвросіемъ, Еп. Медиоланскимъ—святымъ по жизни, неутомимъ по дѣятельности, вдохновенно краснорѣчивымъ по слову. Двое первыхъ находились въ особенно короткихъ отношеніяхъ съ Августиномъ. Одинаковые по

¹⁾ L. 4, c. 4. Имя этого друга неизвѣстно. ²⁾ ib. ³⁾ ib. ⁴⁾ ib. c. 6.

⁵⁾ L. 4, c. 7.

убѣжденіямъ—они сжились столь тѣсно, что слѣдовали всюду другъ за другомъ ¹⁾. Надѣленные отъ природы „умомъ пытливымъ и сердцемъ безпокойнымъ“, они въ частыхъ разговорахъ объ истинѣ, нравственности, счастья „взаимно себѣ сочувствовали“ ²⁾. Ничѣмъ неудовлетворяемые въ своихъ общечеловѣческихъ стремленіяхъ, они являлись тремя вѣчно безпокойными „страдальцами“ ³⁾. Они и крестились вмѣстѣ, лишь только Августинъ вынесъ переворотъ, радикально измѣнившій его бурную жизнь ⁴⁾. Въ иныхъ отношеніяхъ стоялъ молодой человѣкъ къ Симплиціану, Понтиціану и св. Амвросію. Первый занималъ должность духовника при знаменитомъ Миланскомъ епископѣ ⁵⁾. Онъ отличался непоколебимо твердыми убѣжденіями. Это былъ состарѣвшійся на своемъ посту мужъ вѣры, — опытный, какъ никто другой, въ знаніи человѣческаго сердца ⁶⁾. Такія качества Симплиціана произвели притягивающее впечатлѣніе на Августина, которому уже опротивѣло собственное безпорядочное поведеніе и который, дабы не пасть окончательно духомъ, искалъ поддержки въ окружающихъ людяхъ. Съ подобною цѣлью „онъ рѣшился раскрыть предъ опытнымъ духовникомъ всего себя, въ особенности настоящее свое тревожное состояніе, чтобы духовный отецъ указалъ путь, неизмѣнно ведущій къ Богу“ ⁷⁾. Понтиціанъ разказами объ отшельникахъ побудилъ Августина скорѣе креститься ⁸⁾. Но честь полного обращенія ученаго манихея въ христіанство принадлежитъ св. Амвросію. Краснорѣчивыя проповѣди послѣдняго шагъ за шагомъ убѣждали молодаго человѣка въ мысли, что только Церковь есть непогрѣшимая хранительница истины. Находясь въ среднемъ состояніи—между вѣрой и невѣріемъ, юноша нѣсколько разъ посѣщалъ епископа съ цѣлью откровеннаго разговора. Этого не удалось. Августинъ никакъ не осмѣливался нарушить домашній покой всегда занятаго дѣлами подвижника. Но, чувствуя неизъяснимое уваженіе къ авторитету послѣдняго, Августинъ вѣрилъ словамъ его, а размышленіе надъ церковными проповѣдями еще болѣе

¹⁾ L. 6, с. 10. ²⁾ *ib.*, с. 7. ³⁾ L. 6, с. 10. ⁴⁾ См. L. 8, с. 8 — 12.

⁵⁾ *ib.*, с. 2. ⁶⁾ *ib.*, с. 1. ⁷⁾ *ib.* ⁸⁾ См. выше.

утверждало зарождающуюся вѣру. Результатомъ была любовь Августина къ Амвросію, — любовь, соединенная съ благоговѣніемъ ¹⁾. — Совсѣмъ другими свойствами отличается рассматриваемая черта личности Августина въ его отношеніяхъ къ матери. Тутъ проглядываетъ сыновняя нѣжность и привязанность самаго симпатичнаго свойства. Это естественно. Мать и сынъ здѣсь какъ бы сходятся въ характерахъ. Они какъ бы состязаются во взаимной привязанности. Любовь здѣсь отвѣчаетъ на любовь, нѣжность на нѣжность. „Когда я заболѣлъ въ Римѣ, рассказываетъ Августинъ и уже помышлялъ о смерти, образъ матери, носившійся въ моихъ мысляхъ, ни на минуту не давалъ мнѣ покоя ²⁾. Куда бы дѣвалось столько слезъ и воздыханій, которыя она проливала и возносила за меня, забываясь о моемъ вѣрученіи ³⁾?!.. Узнавъ, что я тайно уѣхалъ въ Римъ, она плакала и рыдала и этимъ обличала въ себѣ послѣдственное достояніе Евы — въ печаляхъ и воздыханіяхъ имѣть то, что рождала въ болѣзняхъ... ибо, какъ мать, она любила видѣть меня всегда предъ собою“ ⁴⁾. Скажемъ, кстати, нѣсколько словъ объ этой типичной христіанкѣ тогдашняго времени. Воспитанная въ строгихъ правилахъ, идеально цѣломудренна, кроткая и терпѣливая ⁵⁾, Моника была выдана замужъ за суроваго язычника. Сварливая свекровь, довѣряя сплетнямъ хитрыхъ служанокъ, на первыхъ порахъ возненавидѣла невѣстку ⁶⁾. Но своею добротою, своею способностью „умирять всякіе раздоры“ ⁷⁾ Моника скоро приобрѣла общее расположеніе, обратила мужа въ христіанство, прекрасно воспитала дѣтей. Вѣра Моника настолько тверда, что она — женщина — встрѣчаетъ смерть безбоязненно. Прощальный разговоръ съ сыномъ она заканчиваетъ словами — „въ этой жизни нѣтъ уже для меня наслажденій... нечего мнѣ дѣлать здѣсь... незачѣмъ далѣе оставаться на землѣ“... ⁷⁾. При такомъ своемъ характерѣ Моника имѣла сильное вліяніе на Августина. Последній не могъ представить себя безъ материнской опоры, чувствовалъ въ одиночествѣ какую то неудовлетворительность, будто ему чего не доставало. Подобное, именно, состояніе

¹⁾ Е. 5, с. 13. ²⁾ L. 5, с. 9. ³⁾ ib. ⁴⁾ ib. с. 8. ⁵⁾ L. 9, с. 8.

⁶⁾ L. 9, с. 9. ⁷⁾ ib. с. и 10.

испыталь юноша, когда Моника умерла. „Я закрыль глаза матери; невыразимая печель переполнила мое сердце до того, что оно готово было излить свою скорбь въ потокахъ слезъ... Жизнь моя, которая сливалась въ одно съ ея (матери) жизнью, представлялась мнѣ какъ бы растерзанною пополамъ..., но я внималь голосу разсудка, и глаза мои какъ бы изсушали слезы... Отъ сердечной борьбы я сильно страдалъ, но не падалъ духомъ“... ¹⁾). Августинъ въ данное время уже готовъ былъ къ крещенію и любовь божественная, которая запечатлѣваетъ его „христіанскую“ личность, удержала его отъ безполезной скорби, составляющей одинъ изъ видовъ привязанности человѣка къ міру сему ²⁾). За-то сыновняя нѣжность Августина къ матери приобрѣла теперь характеръ любви вѣчной — „николи-же отпадающей“. Особенно послѣдняя проглядываетъ въ спокойствіи Августина, когда онъ рассказываетъ о смерти собственнаго сына Адеодата ³⁾).

Плодъ страстной незаконной любви — сынъ по способностямъ уродился въ отца. „Ему было еще только пятнадцать лѣтъ, а умомъ своимъ онъ превосходилъ старыхъ и ученыхъ мужей,“ ⁴⁾). Августинъ часто разговариваль съ Адеодатомъ объ „очень серьезныхъ предметахъ“ и приходилъ „въ какой то священный трепеть отъ необыкновенной понятливости мальчика“ ⁵⁾). Но Адеодатъ умеръ на шестнадцатомъ году возраста. Августинъ даже „радуется,“ что сынъ, по всемъ признакамъ представлявшій копію родителя, чрезъ раннюю смерть избѣжалъ коловоротныхъ путей юности и явился на небо безпорочнымъ ⁶⁾). Эта любовь къ Богу, въ жертву которой Августинъ принесъ любовь къ міру по крещеніи, имѣетъ первоначальную причину въ эстетическихъ наклонностяхъ юноши, ибо основою послѣднихъ былъ Богъ, какъ непосредственный художникъ всякой красоты.

Развитію эстетическаго начала, проходящую чрезъ нравственную личность Августина, способствовали, главнымъ образомъ, предметы тогдашняго школьнаго образованія—клас-

¹⁾ ib. с. с. 10, 12 и 13. ²⁾ L. 9, с. 12. ³⁾ Отъ женщины, которую Августинъ любилъ въ молодости. ⁴⁾ L. 9, с. 6. ⁵⁾ ib. ⁶⁾ ib.

сика, краснорѣчіе, философія. Описаніе красотъ природы и идиллическихъ прелестей патріархальной жизни у Гомера и Вергилія, художественность рѣчи и картинность слога у Цицерона и другихъ ораторовъ, стройность и послѣдовательность системъ Аристотеля и Платона—все это оставило глубокой слѣдъ на впечатлительной душѣ Августина. Онъ любилъ слушать шумъ моря, наблюдать звѣзды, восхищаться ландшафтами; изливалъ свои чувствованія въ поэтическихъ монологахъ, мыслилъ съ философской систематичностью. Любовь и товарищество развили въ Августинѣ эстетическій взглядъ на жизнь, на нравственность, на общество. Но—повторяемъ—основу разсматриваемой черты личности будущаго учителя Церкви составляетъ Идеал красоты—Богъ, котораго Августинъ дѣйствительно позналъ въ Его прекрасныхъ твореніяхъ, что и увидимъ ниже.

Еще въ пору молодости Августинъ написалъ двѣ, или три книги подъ заглавіемъ—„de pulchro et arto“¹⁾. Это сочиненіе излагаетъ его юношескія эстетическія воззрѣнія—плодъ „глубокой души“, ищущей удовольствія „во всемъ высокомъ и изящномъ, во всякой правдѣ и истинѣ“²⁾. Прекрасное, къ какой бы сферѣ оно ни относилось—къ матеріальной, или къ духовной, отождествляется здѣсь съ гармоничнымъ. „Есть своего рода прелесть, говоритъ Августинъ, въ тѣлахъ, въ золотѣ, въ серебрѣ и въ подобномъ имъ; для ока и осязанія пріятна гармонія частей; есть и для другихъ чувствъ соотвѣтственно пріятныя свойства тѣлъ³⁾... но ви́шніе предметы привлекательны, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что части въ нихъ соотвѣтствуютъ цѣлому и удачно приспособлены къ нему, какъ, на примѣръ, члены тѣла по отношенію къ организму“... „Добродѣтель, будучи воплощеніемъ мира, прекрасна, ибо миръ содержитъ въ себѣ „единство“—духовную гармонию⁴⁾. Напротивъ, порокъ, являясь носителемъ „раздора“ безобразенъ, ибо раздоръ ведетъ за собой „раздвоеніе“—духовную дисгармонию⁵⁾. Это эстетическое начало цѣлостно пропиадаетъ существо молодаго челоѡѡка. Онъ искалъ пред-

¹⁾ L. 4, c. 18. ²⁾ ib., cн. L. 1, c. 20. ³⁾ L. 2, c. 5. ⁴⁾ L. 4, c. 15. ⁵⁾ ib.

метовъ любви, потому что „любиль любить“¹⁾). Онъ не избѣгалъ поводовъ къ тоскѣ, потому что „хотѣль сострадать“²⁾). Онъ не малую часть времени посвящалъ кружкамъ товарищей, потому что „дружба дорога и мила ему по взаимному единоподушію“³⁾). Земная жизнь въ возрѣвнїи идеально настроеннаго юноши имѣеть „своего рода заманчивую прелесть и по собственной красотѣ и по возможности наслаждаться всею земною красою“⁴⁾... Ради желанія вездѣ находить изящное, Августинъ въ молодыхъ лѣтахъ иногда пренебрегалъ истиною. Св. Писаніе, напр., показалось ему „не заслуживающимъ сравненія съ прекрасными сочиненіями Цицерона: Туллій такъ изящень, краснорѣчивъ, а Писаніе такъ просто, положительно и даже грубо“⁵⁾). Впослѣдствїи, когда Августинъ уже готовился къ крещенію, подобныя ненормальности разсматриваемой благороднѣйшей черты его нравственной личности, конечно, уничтожились. Напр., поэтическія пѣсни Давида, „исполненыя вѣры и благочестія и изгоняющія гордость духа“, пылкій юноша желалъ бы возвѣстить всему міру, чтобы „смирить высокомеріе челоуѣческаго рода“⁶⁾). Возвышенный символизмъ обрядовъ христіанскаго богослуженія и стройность церковнаго пѣнія, наполняющія широкимъ энтузіазмомъ чувства молящагося, дѣйствовали особенно привлекательнымъ образомъ на Августина⁷⁾). Но идеаломъ эстетическихъ наклонностей юноши является то, что онъ въ міровой красотѣ позналъ Художника всякой красоты. Выдавались минуты къ жизни Августина, когда око его блуждало долу, наслаждаясь прелестями природы, а духъ возносился горѣ съ намѣреніемъ созерцать Творца столь восхитительной природы. Мы передадимъ одну изъ подобныхъ минутъ⁸⁾). Разъ Августинъ гулялъ на берегу моря. Его глаза выражали сильное душевное волненіе и безпокойство. Предъ нимъ же разстиралось во всемъ своемъ великолѣпїи необъятное море съ бурно-вздымавшимися волнами. „О, море, вскричалъ *философъ*, о, природа! Не ты ли мой Богъ? Не ты ли можешь дать миръ и покой душѣ моей“?.. Но волны бушевали и какъ

1) L. 3, c. 1. 2) ib. 3) L. 2, c. 5. 4) ib. 5) L. 3, c. 5. 6) L. 9, c. 4.

7) L. 10, c. 16. 8) см. L. 10, c. 6.

бы въ отвѣтъ говорили—„*quaege super nos, quaege super nos*“... Не мы твой Богъ, не мы—„золото, и наслажденіе, и вся природа“,—пѣтъ; „мы только Его твореніе; мы не можемъ дать сердцу мира и покоя“... „ищи Бога выше“!... Мало-помалу солнце закатилось и тысячи яркихъ звѣздъ заблестѣли на небѣ. Философъ устремилъ глаза вверхъ—на ту чудную красоту, которая во всемъ блескѣ сіяла надъ его головою и воскликнулъ—„звѣзды, вы—мой Богъ?—можете ли вы дать сердцу миръ и покой“? Но въ отвѣтъ Августину послышался голосъ, какъ бы издаваемый мелодичной гармоніей неисчислимаго множества звѣздъ: „не мы твой Богъ; мы только Его твореніе: никакая сотворенная красота не даетъ мира и покоя сердцу человѣка;—„*quaege super nos*“!.. Философъ сталъ искать выше. Его умственный взоръ проникъ къ безплотнымъ духамъ, которые предстоятъ Богу, и онъ воскликнулъ—„великіе духи,—вы-ли—мой Богъ“? Но и оттуда послышался старый отвѣтъ — „ищи Его выше“. Тогда душа Августина возносится вѣрою надъ всѣмъ сотвореннымъ прямо къ престолу Божію. Тутъ философъ уже не спрашиваетъ болѣе—Ты ли мой Богъ? а преклоняется предъ нимъ съ молитвою. Въ сердцѣ становится спокойно и безмятежно, подобно совершенному затишью на морѣ послѣ большой бури. Теперь Августинъ говоритъ пайденному: „мое сердце было безпокойно, пока не успокоилось въ Тебѣ, — „только Ты одинъ далъ ему миръ и покой, ибо Ты мой Богъ и въ Тебѣ мое вѣчное успокоеніе“¹⁾. Вотъ почему при разсужденіи о прекрасномъ Августинъ даетъ нравоучительное замѣчаніе: „когда ты любиешься тѣлами, — восхваляи за нихъ Творца ихъ, и перенесись любовью своею къ самому художнику; дабы не разочароваться въ томъ, что нравится; когда тебя увлекають души—люби ихъ въ Творцѣ ихъ, ибо онѣ сами по себѣ не имѣють прочнаго бытія, а все постоянство ихъ въ Немъ, иначе онѣ погибли бы безслѣдно“²⁾. Но „непорочныя наслажденія красотою небесной, равно какъ истинною и правдою“ доступны лишь „для созерцанія и чувства духов-

¹⁾ См. L. 10, с. 6 сл. L. 4, сс. 10, 11, 13 сл. L. 2, с. 5—6 сл. особ. L. 7, с. 17 и L. 9, с. 10. ²⁾ L. 4, с. 12.

наго“—доступны человѣку нравственному въ высшемъ смыслѣ этого слова, — человѣку, всецѣло отрѣшившемуся отъ міра сего и предавшемуся Богу ¹⁾. А борьба за нравственный христіанскій идеаль всегда была свойственна Августину и, не смотря на его паденія, закончилась побѣдою надъ грѣховными наклонностями юноши.

Еще въ колыбели Августинъ научился благоговѣть предъ святымъ образомъ Сына Божія, котораго воспринялъ вмѣстѣ съ молокомъ матери. Этотъ страждущій, полный кротости и смиренія образъ, научилъ впечатлительнаго малютку съ жаркой мольбой обращаться къ Богу о помощи — да избавить отъ частыхъ дѣтскихъ печалей. „Еще отрокомъ, рассказываетъ Августинъ, искалъ и просилъ я у Бога заступничества и убѣжища..., призывалъ Его, преодолевая всѣ трудности дѣтскаго языка..., просилъ и молилъ Его съ свойственнымъ ребенку чувствомъ умиленія — избавить отъ наказаній въ школѣ“ ²⁾... Разъ мальчикъ захворалъ лихорадкою. Обливался предсмертнымъ потомъ, онъ „съ полнымъ расположеніемъ души, съ полною вѣрою“ требовалъ у матери крещенія ³⁾. Во время послѣдующей жизни Августина Существо Божіе было главнымъ средоточіемъ поисковъ его ума ⁴⁾; святые чувствавапія сердца никогда окончательно не гасли въ молодомъ человѣкѣ подъ давленіемъ „тревоги суеты“ ⁵⁾; страхи за собственную загробную участь никогда не прекращались ⁶⁾. Первымъ результатомъ этого было желаніе юноши руководиться заповѣдями Спасителя въ собственныхъ отношеніяхъ къ ближнимъ, вторымъ — стараніе окончательно прекратить „распутства своей жизни“ ⁷⁾. Августинъ всегда на любовь отвѣчалъ любовью, для себя „не требуя ничего, кромѣ сочувствія“; плакалъ при видѣ чужихъ бѣдствій, находя подобныя слезы „сладостными и утѣшительными“; съ каждымъ поступалъ честно, имѣя предъ глазами заповѣдь — „не дѣлай другимъ того, чего не хочешь себѣ“ ⁸⁾. Мы выше говорили о склонности молодого человѣка къ плотскимъ удовольствіямъ,

¹⁾ L. 6, c. 16. ²⁾ L. 1, c. 9. ³⁾ ib. 6, c. 11. ⁴⁾ L. 7, c. 17. ⁵⁾ L. 4, c. 11.

⁶⁾ L. 6, cc. 14. 16. ⁷⁾ ib., c. 14. ⁸⁾ L. 4, c. 9; L. 3, c. 2; L. 4, c. 5; L. 1, 18; L. 4, c. 2.

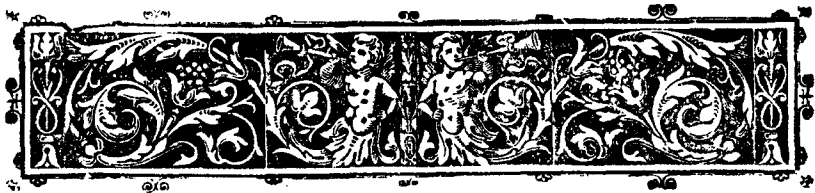
но послѣднiя—откровенно признается Августинъ—, „постоянно растворялись горькими упреками совѣсти и какою то неизъяснимою досадою, заставляя тѣмъ самымъ искать удовольствiй безупречныхъ“¹⁾. Вотъ изъ-за чего юноша по временамъ просилъ у Бога „чистоты сердца и непорочности воздержанiя“, никогда „не способенъ былъ къ безстыдству“, глубоко уважалъ „застѣнчивую скромность“, чувствовалъ отвращенiе „къ порокамъ противнымъ природѣ“²⁾. Примѣры совершеннѣйшаго цѣломудрiя и подвижническаго аскетизма возбуждали въ Августинѣ болѣзненные припадки раскаянiя³⁾. Особенно послѣднiе усилились со времени, когда онъ чрезъ чтенiе посланiй Ап. Павла позналъ въ себѣ борьбу духовнаго и плотскаго человѣка⁴⁾ и уже готовился вступить въ Церковь. Онъ теперь сильно сожалѣлъ, что у философовъ, которыми страстно занимался въ молодости, „нѣтъ слезъ покаяннаго исповѣданiя, нѣтъ духа сокрушеннаго и сердца смиреннаго, нѣтъ словъ небснаго милосердiя—приидите ко мнѣ всѣ труждающiеся и обремененные“⁵⁾... Онъ теперь считаетъ нравственнымъ идеаломъ, вѣнчающимъ христiанина, — „любовь божественную“⁶⁾. Эта любовь не замедлила запечатлѣть Августина, но лишь тогда, когда пытливыя стремленiя юноши-философа познать истину закончились успѣхомъ, когда достаточно опредѣлилась его умственная личность. Къ характеристикѣ послѣдней мы сейчасъ и обратимся.

А. Волковъ.

(Окончанiе слѣдуетъ).

1) L. 2, с. 2. 2) L. 8, с. 7 см. L. 3, сс. 3, 8. 3) L. 8, с. 8—10. 4) L. 7, с. 21. 5) 1. 7, с. 21. 6) *ib.*, с. 10 см. L. 9, с. 11.

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИНЪ.

ПО ЕГО «ИСПОВѢДИ» (Confessiones) ¹⁾.

II.

А первыхъ порахъ школьнаго образованія мальчикъ Августинъ заявлялъ себя больше со стороны дѣтскаго любопытства и быстрой сообразительности, чѣмъ со стороны склонности къ усидчивому труду. Онъ съ удовольствіемъ слушалъ историческіе рассказы, тонко подмѣчалъ въ театрѣ, или гдѣ придется, проявленія „сердечныхъ страстей“, умѣло передавалъ подмѣченное своею дѣтскою рѣчью (кн. I, гл. 16). Обладая довольно обширною памятью (ibid. гл. 9), онъ охотно изучилъ латинскую грамматику, потомъ читалъ Вергилія, но чрезвычайно ненавидѣлъ греч. языкъ и Гомера (ibid. гл. 13—14). „Очевидно, говоритъ Августинъ, трудность, одна трудность въ изученіи чужестраннаго языка отравляла для меня всю пріятность греческую въ ея баснословныхъ рассказахъ (Гомер.). Я не понималъ тамъ ни одного слова, а меня заставляли знать—то суровыми угрозами, то наказаніями“ (ibid. гл. 14). Извѣстно, что живая и сообразительная дѣтская натура не

¹⁾ Окончаніе. См. августовск. кн. «Странника».

терпитъ въ обученіи никакихъ строго-принудительныхъ мѣръ, которыя — частый опытъ показываетъ — забиваютъ умъ малютки и приучаютъ его къ лицемѣрію. „Для пріобрѣтенія и усвоенія познаній гораздо дѣйствительнѣе свободная любознательность, умѣло направленная къ хорошимъ цѣлямъ, нежели боязливая и запуганная принужденность“, замѣчаетъ по этому поводу Августинъ (кн. I, гл. 14). Да на него, кажется, мало и повліяла школа въ выборѣ науки для цѣлей жизни. Правда, ради желанія отца, хотѣвшаго дать сыну блестящее положеніе въ свѣтѣ, Августинъ началъ изучать краснорѣчіе и на первыхъ порахъ цѣлостно отдался этому предмету (кн. 3, гл. 4). Но его мысль была занята другимъ. Любознательная по природѣ, она стремилась постигнуть все, доступное вѣденію, а главнымъ образомъ — истину, какъ основную цѣль знанія. Словомъ, философія имѣла сдѣлаться любимымъ предметомъ Августина, — душою его философски настроенной натуры. И, дѣйствительно, при первомъ-же знакомствѣ съ сочиненіями Цицерона (философскими), Аристотеля и Платона, Августинъ рѣшился навсегда посвятить себя „любомудрію“ (кн. 3, гл. 4). При этомъ, замѣчательна та пылкость и попятливость, которыми юноша встрѣчалъ каждое, попадавшее ему въ руки новое сочиненіе. „Съ голодною жадностію, рассказываетъ онъ въ одномъ мѣстѣ Исповѣди, бросился я на Аристотелевы категоріи, какъ на что-то чрезвычайное, сверхъестественное, божественное; перечиталъ и уразумѣлъ ихъ самъ собою — мнѣ все было ясно, когда рѣчь шла о субстанціяхъ“ (кн. 4, гл. 16)! Кромѣ философіи Августинъ изучалъ — такъ называемыя — „свободныя науки“, проштудировалъ множество сочиненій изъ этой области знанія и „нигдѣ не затруднился въ пониманіи“ (ibid.). Умъ молодого человѣка былъ „гибкій въ своемъ дѣлѣ, безъ помощи учителя понимавшій самыя псудобопонятныя книги“ (ibid.). По достойнымъ философа способностямъ Августинъ избралъ и достойный для себя предметъ, т. е. познаніе истины. При этомъ, онъ не былъ кабинетнымъ ученымъ, — напротивъ, любилъ обращаться въ кружкахъ тогдашняго образованнаго общества, любилъ обмѣниваться мыслями съ друзьями, любилъ каеэдру и слушателей. Вслѣдствіе этого, ему, часто по

необходимости, приходилось наблюдать за внѣшнимъ міромъ, и его наблюденія этого ради отличаются замѣчательными психологическими достоинствами и являются не послѣднимъ свидѣтельствомъ гибкости ума молодого человѣка. Но въ концѣ концовъ Августинъ никогда не достигъ-бы истины, если-бы не имѣлъ христіанской вѣры, хотя въ зачаточномъ состояніи. Однако, въ какой-же мѣрѣ имѣлъ онъ эту вѣру до крещенія?..

Въ жизни людей случаются по временамъ удивительныя минуты, когда одно, повидимому, незначительное обстоятельство, даже одно слово извнѣ, глубоко западаетъ въ душу и неожиданно приходя въ соотвѣтствіе съ тайными ея мыслями и чувствами, приводитъ ихъ въ ясное сознаніе и навѣки рѣшаетъ колеблющіяся намѣренія человѣка. Впечатлительные люди особенно подвержены внезапнымъ вліяніямъ минуты. Нѣчто подобное испыталъ и бл. Августинъ, будучи еще семнадцатилѣтнимъ юношей. Разъ онъ читалъ недошедшее до насъ сочиненіе Цицерона—„Гортензій“, изображавшее достоинства философіи и убѣждавшее любить мудрость. Содержаніе книги нашло сильный отзывъ въ душѣ Августина, который, при всей любви своей къ свѣтской жизни, никогда не забывалъ болѣе высшаго назначенія человѣка. „Сочиненіе Цицерона, замѣчаетъ онъ, перемѣнило расположенія моей души, возбудило во мнѣ совершенно новыя мысли и намѣренія... Суетныя и лъстивыя надежды честолюбія какъ-бы уже потеряли цѣну для моего сердца; истина сдѣлалась предметомъ сильнѣйшихъ порывовъ моей души. Я началъ вставать, чтобы обратиться къ Богу. Уже не для одного изученія краснорѣчія, не для одного изощренія языка началъ я пользоваться книгою Цицерона, а самое содержаніе оной увлекло меня“ (кн. 3, гл. 4). Но состояніе души, ощутившей въ себѣ новыя потребности и стремленія, было для Августина не совѣмъ еще понятно. Въ „Гортензій“ ему особенно понравилось то, что Цицеронъ, не симпатизируя здѣсь какой-либо отдѣльной сектѣ, убѣждаетъ читателя вообще искать истину, гдѣ бы послѣдняя ни открывалась. Однако, молодой человѣкъ почувствовалъ нѣчто, охлаждавшее его восхищеніе философіей славнаго оратора древности. То была искра истины, слабо тлѣвшая въ сердцѣ Августина, который искалъ, по не нашелъ

въ книгѣ Цицерона имени Спасителя, воспринятаго еще съ дѣтства отъ матери (*ibid*). Руководимый внутренними побужденіями души, философъ обращается теперь къ св. Писанію, дабы испытать его ученіе. Съ перваго взгляда слово Божіе представилось Августину слишкомъ простымъ по содержанію. При дальнѣйшемъ чтеніи получило обратное впечатлѣніе. Въ Писаніи оказалось много непонятнаго, требовавшаго отъ человѣка христіанской вѣры. Но Августинъ „считалъ себя великимъ..., не хотѣлъ стать Евангельскимъ младенцемъ..., желалъ знать, а не вѣрить“ (кн. 3, гл. 5)... Вдобавокъ, почитателя Цицерона, искавшаго утонченной мудрости, плѣнительной для ума и воображенія, Писаніе не удовлетворяло со стороны своего безыскусственнаго языка. Отсюда въ Августинѣ возникла борьба мыслей и чувствъ. Его колебали сомнѣнія, потому-что умъ желалъ знанія, а сердце—покою вѣры. Въ подобномъ раздвоенномъ состояніи души онъ обратилъ вниманіе на секту манихеевъ, которая съ своей таинственностію, естественномъ въ положеніи секты, съ своими обѣщаніями рѣшить вопросы жизни, съ своимъ обманчивымъ соединеніемъ философіи и Евангелія, какъ разъ удовлетворяла желаніямъ юноши. Неопытный Августинъ надолго увлекся манихейскими заблужденіями. Сообразно ученію сектантовъ, философъ неправильно мыслилъ о происхожденіи вещей, приписывая послѣдніе двумъ „матеріальнымъ и совѣчнымъ“ началомъ—доброму и злomu—свѣту и тьмѣ (*ibid*. гл. 10—11); отрицалъ чистѣйшую духовность божественнаго Существа, считая Его пантеистически протяженнымъ (кн. 4 гл. 14—15,—сн. 7, 5); составилъ превратное понятіе о В. Завѣтѣ, не признававшее откровеннаго достоинства за ученіемъ св. книгъ (кн. 3, 10); докетически повималъ воплощеніе Богочеловѣка, почитая Его тѣло и страданіе лишь призракомъ; невѣрно разумѣлъ нравственный законъ, производи бытіе и силу его изъ народныхъ обычаевъ въ различныхъ странахъ свѣта (*ibid*). Подобныя заблужденія Августина отличаются даже смѣшными свойствами. Онъ воображалъ себѣ скорбь дерева, когда отсѣкаютъ его вѣтви, или срываютъ плоды, и думалъ, что человѣкъ, отрывая пищу, отрываетъ вмѣстѣ и Божество (*ibid*.—Здѣсь замѣтенъ грубый матеріалистическій

пантеизмъ). Но увлеченіе манихействомъ начало по-немногу терять свою силу въ Августинѣ послѣ знакомства его съ Аристотелемъ (кн. 4, гл. 16). Наученный этимъ логикомъ древности относиться ко всему критически, философъ понималъ физико-миѳологическій характеръ сектантскаго ученія, баснямъ котораго ничто не соотвѣствовало въ дѣйствительности. Когда сомнѣніе по различнымъ вопросамъ знанія дошло теперь въ Августинѣ до высшаго апогея, друзья указывали ему на знаменитаго манихейскаго епископа Фавста. „Фавстъ все разъяснить“, говорили они, и Августинъ наивно вѣрилъ. Онъ „ждалъ—не дождался многопрославляемаго манихея;—вотъ прійдетъ славный учитель: онъ дастъ на мои вопросы положительный отвѣтъ; мои сомнѣнія, мои недоумѣнія тогда—прочь“, радостно мечталъ Августинъ (кн. 5, 6,—сн. 6, 11). Но горькое разочарованіе!.. Въ личной интимной бесѣдѣ епископа и философа оказалось, что первый менѣе свѣдущъ въ познаніяхъ, чѣмъ второй (кн. 5, 6). Правда, манихей заявилъ себя увлекательно краснорѣчивымъ, пріятнымъ по разговору, ласковымъ по обращенію. Но это, вѣдь, не единственныя достоинства человѣка. Не этого и Августинъ желалъ заимствовать у Фавста. „Отвѣтъ на мучительные вопросы моего ума и сердца“ — вотъ чего категорически требовалъ пылкій юноша. Удовлетвореніе не получилось (*ibid.* гл. 7—8). Тогда холодный скептицизмъ охватилъ молодаго человѣка. Разочаровавшись въ ученіи манихеевъ, онъ думалъ, что „самые умные—тѣ философы, которые сомнѣваясь во всемъ, утверждали невозможность для человѣка постигнуть истину“ (кн. 5, 10); предубѣжденный противъ православія, онъ уже не надѣялся найти истину въ церкви (*ib.* гл. 13); измученный умственно, онъ испытывалъ „безнадежное состояніе“ (кн. 6, 1). Но это не значитъ, что Августинъ, напавшись скептицизмомъ, хотѣлъ потушить въ умѣ всякое стремленіе къ познанію. Нѣтъ,—онъ „болѣлъ, болѣлъ сердечно объ истинѣ“... Его духъ до-нельзя напрягался къ изысканію послѣдней и мучительно томился различными недоумѣніями (кн. 6, 3.—сн. 7, 7). Уже фактъ сознанія собственнаго, безнадежнаго положенія свидѣтельствуетъ о смертельной борьбѣ философа противъ возрастающаго скептицизма. Въ столь трудныя минуты жизни на

человѣка увлекательно дѣйствуетъ спасительное вліяніе посторонней, устойчиво твердой въ своихъ убѣжденіяхъ личности. Подобное совершилось и съ Августиномъ. Назначенный правительствомъ профессоромъ краснорѣчія въ Миланѣ, онъ здѣсь встрѣтился съ св. Еп. Амвросіемъ. Отеческая любовь къ паствѣ, неутомимые труды христіанскаго милосердія, строго-аскетическая жизнь, а, главное, вдохновенное краснорѣчіе великаго святителя произвели на Августина обаятельное впечатлѣніе. Восхищаясь логикой проповѣдей Амвросія, молодой человѣкъ вмѣстѣ съ ходомъ мыслей и заключеній невольно воспринималъ и ихъ содержаніе. Ему стало ясно, что „вѣра католическая, которую самъ же считалъ прежде беззащитною противъ возраженій манихеевъ, можетъ съ честью побороть эти возраженія; что церковь православная, требуя вѣры тамъ, гдѣ неприложимы никакія доказательства, поступаетъ гораздо основательнѣе, нежели сектанты, обѣщающіе положительное знаніе и не дающіе никакого; что подлежатъ осужденію не тѣ, которые вѣрятъ божественнымъ книгамъ, а тѣ, которые не вѣрятъ имъ, ибо эти книги, по премудрому устроенію Творца, имѣютъ всеобщій авторитетъ“ (кн. 5, 14 и 6, 5). Но истина къ Августину была еще не близка. Онъ, по справедливому замѣчанію Амвросія, „переживалъ въ данное время кризисъ, подобно больнымъ, испытывающимъ самыя тяжкія муки при переломѣ болѣзни“ (кн. 6, 1). Онъ стоялъ теперь на перекресткѣ двухъ дорогъ, раздумывая—по прямой ли направиться, или по кривой (ib. гл. 4). Онъ протягивалъ руку къ пылающему углю и блистающему куску золота, недоумѣвая—который схватить. Вспомогательная сила, уничтожившая послѣднія сомнѣнія въ душѣ Августина насчетъ истинности церковнаго ученія и побудившая его ускорить крещеніе, явилась съ неожиданной стороны. То былъ неоплатонизмъ—эта философія духа, это послѣднее слово античнаго умозрѣнія, „знакомившее тогдашняго человѣка съ Богомъ“—по выраженію Симплиціана, духовника бл. Августина (кн. 8, 2). Чисто духовное представленіе неоплатониковъ о божественномъ Существовѣ, вѣрное рѣшеніе ими вопроса о злѣ, какъ удаленіи отъ Бога, высокое понятіе о нравственности, суть которой заключается въ постепенномъ вос-

хожденіи чловѣка къ небу чрезъ самоиспытаніе и самовоздержаніе,—показались Августину чрезвычайно сходными съ ученіемъ о тѣхъ-же предметахъ Нов. Завѣта (7, 9). Авторитетъ послѣдняго въ дѣлѣ познанія истины приобрѣлъ чрезъ неоплатонизмъ самую компетентную поддержку въ глазахъ, именно, философа. Тонкій умъ Августина провелъ параллель между словами о Богѣ платониковъ и первой главой Евангелія Іоанна. Въ обоихъ случаяхъ получилось поразительное сходство (*ibid*). Различіе оказалось лишь въ томъ, что язычникъ-философъ, руководясь естественнымъ откровеніемъ, могъ провидѣть Бога „яко зеркаломъ въ гаданіи“, а христіанинъ-апостоль, водимый Духомъ Святымъ, зрѣтъ Его лицомъ къ лицу (*ib.*). Подъ вліяніемъ неоплатонизма Августинъ начинаетъ отрѣшаться отъ чувственнаго возрѣвія на Существо Божіе (*ib.* гл. 10); причиною зла считаетъ чловѣческую свободу, въ дѣйствительности которой убѣжденъ, „какъ въ собственномъ существованіи“ (*ib.* гл. 3, 12, 13, 14); презираетъ свои прежнія увлеченія манихействомъ (кн. 6, 4); но о Спасителѣ, не понимая еще всей глубины Евангельскаго ученія, мыслитъ, какъ „о чловѣкѣ, одаренномъ лишь особенною мудростію сравнительно съ другими людьми,—о чловѣкѣ, съ которымъ никто не можетъ равнять себя“ (кн. 7, 19). Августинъ занялся теперь чтеніемъ посланій Ап. Павла. Философія послѣдняго окончательно разсѣяла прежнія заблужденія юности и въ умственной и въ нравственной сферахъ. Мнимыя противорѣчія Писанія сами собою изгладились (*ib.* гл. 21). Истина, чуть блестящая у платониковъ, раскрылась здѣсь съ очевидностію „какъ даръ божественной Благодати“. Борьба въ чловѣкѣ законовъ плотскаго и духовнаго познана совершенно (*ib.* гл. 21—22), вопросъ о злѣ и о лицѣ І. Христа рѣшенъ въ смыслѣ церковнаго ученія (кн. 8, 10; см. 10, 43), и Августинъ числится уже въ рядахъ оглашенныхъ (кн. 9)...

Итакъ, благодаря неутомимой пытливости своего ума, философъ достигъ истины, хотя и съ невѣроятными усиліями. Эта пытливость ума Августина проглядываетъ и въ его наблюденіяхъ за вѣннимъ міромъ, — наблюденіяхъ, отличающихся типическими свойствами.

Наблюдательность врождена Августину. Онъ наблюдаетъ, потому что интересуется всѣмъ, обыкновенно оставляемымъ строгими философами безъ вниманія. Онъ стоитъ при колыбели дитяти и подмѣчаетъ улыбку, желанія, скорбь младенца (кн. 1, 6). Онъ описываетъ шалости груднаго ребенка, размышляетъ надъ невинностью и надъ пороками малютки (ibid. гл. 7). Онъ съ грустью рассказываетъ о зависти одного младенца, который у груди матери „бросалъ взгляды на своего молочнаго брата съ злобною горечью, досадою и блѣдностью“, хотя нищи хватало на обоихъ (ib.). Онъ прислушивается къ дѣтскому лепету и объясняетъ, какъ рѣчь мало-по-малу развивается изъ склонности дитяти—подражать взрослымъ (ib. гл. 8). Онъ стоитъ возлѣ игрушекъ ребенка и въ малюткѣ видитъ взрослого, а во взросломъ малютку. Полный участія, онъ подхватываетъ вздохъ мальчика, который въ первый разъ садится на школьную скамью (кн. 1, 9). Полный боязни, онъ, противъ воли, втягивается вмѣстѣ съ ученикомъ въ кружащійся бурунь человѣческаго общества. Полный презрѣнія, онъ критикуетъ господствующій методъ воспитанія, основанный на страхѣ наказанія и вынужденномъ почитаніи и сожалѣетъ юношество ради мертвыхъ матерій, которыя оно обязано изучать. Августинъ, подъ дѣйствіемъ увлеченія, полагаетъ, что предметомъ школьнаго образованія должно быть лишь истинное и полезное, что грамматика, стало быть, выше миологій, практическая физика — воздушной философіи (id. гл. 9, 12—14, 16 — 18). Наблюдая несовѣмъ нравственныя игры взрослыхъ, Августинъ хорошо замѣчаетъ — „проказы дѣтей влекутъ за собою наказанія, а у взрослыхъ эти проказы получаютъ имя „благородныхъ занятій“ (ib. гл. 9). Коротко ознакомившись съ различными кружками тогдашняго испорченнаго общества, онъ дѣлаетъ вѣрное заключеніе, что здѣсь каждый погибаетъ для добра, „если раньше не утвердилъ сердце въ добрѣ“ (кн. 2, 4). Опытю убѣдившись въ прелести и заразительности пороковъ свѣтскаго товарищества, онъ восклицаетъ — „о дружба, ты хуже, чѣмъ величайшая непріязнь, — ты — непостижимый соблазнъ для души!.. Мнѣ друзья часто говорили—пойдемъ туда-то, — мы это дѣлаемъ, и не быть безстыднымъ—казалось стыдно“ (ib. гл. 3). Авгу-

стинъ раскрываетъ полную зависимость одного лица отъ мнѣнія другихъ, ибо мыслить о человѣкѣ не какъ объ отдѣльномъ индивидуумѣ, но какъ о неразрывномъ звѣнѣ огромной цѣпи—общества; описываетъ профессоровъ и студентовъ, нигдѣ не избѣгаетъ характеристики (напр. кн. 4, гл. 2, 4; 5, 3, 6—7 и мн. др.). Но, главное—Августинъ тонко наблюдаетъ сокровеннѣйшія движенія собственнаго сердца; слѣдитъ за нѣжными тканями и бушующими волнами чувства; знаетъ всѣ скрытно протекающіе родники и потайныя тропинки, по которымъ душа стремится притечь къ Богу. Какою правдою дышать, напр., такія слова „Исповѣди“: „мы испытываемъ радости больше и считаемъ ихъ выше, если имъ предшествовали печали... Вотъ мы присутствуемъ при кончинѣ любимаго друга... мы щупаемъ пульсъ... мы въ неописуемомъ волненіи... и, вдругъ, онъ оживаетъ... Да! безъ печалей мы не знали бы цѣны и радостямъ“ (кн. 8, 3). Или, еще (гдѣ авторъ говоритъ о своемъ нравственномъ состояніи раньше крещенія): „мои усилія обратиться на истинный путь были подобны усиліямъ тѣхъ которыя желаютъ проснуться, но одолеваемые дремотой, снова бросаются на постель; когда же раздался пробуждающій голосъ совѣсти, я сонливо отвѣчалъ: „сейчасъ, сейчасъ; погоди маленько!“ Но это „сейчасъ“ отлагалось на долгій часъ и этому мигутному „маленько“ не видно было конца“ (ib. гл. 5). А какъ естественъ голосъ страстей, который Августинъ, уже рѣшившійся проводить аскетическую жизнь, слышитъ въ себѣ... „И ты насъ покидаешь! и съ этой минуты мы должны разстаться съ тобой! и съ этой поры тебѣ нельзя уже будетъ болѣе наслаждаться такими-то и такими-то благами! И—навсегда!.. и ты воображаешь, что можешь обойтись безъ нихъ“ (чувственныхъ удовольствій)!.. жалобно, тихо, увлекательно шептали страсти“, (кн. 8, 11).—Есть въ „Исповѣди“ много и другихъ наблюдений особенно изъ области чувствованій, наблюденій самыхъ тонкихъ, хватающихъ за сердце, — такъ они живы и естественны! Когда, напр., авторъ пишетъ о борьбѣ духа съ плотью, о гордости, о мучительныхъ припадкахъ совѣсти — читатель переживаетъ здѣсь самого себя ¹⁾. Наконецъ, Авгу-

¹⁾ См. напр. ib., с. с. 8—9; L. 10, с. 39 и мн. др.

стинъ даетъ картинныя психологическія разсужденія о памяти, вездѣ подтверждаемая примѣрами опыта ¹⁾). При всѣхъ разскзанныхъ случаяхъ, подобно анатому, углубляется онъ во внутренности своей души, извлекая оттуда и благовонное и зловонное. Къ первому онъ самъ относить, между прочимъ,—вѣру, которая всегда запечатлѣвала умъ философа и безъ помощи которой онъ никогда не позналъ бы истины. Этой вообще важнѣйшая черта умственной личности Августина. Мать-христіанка своими религіозными разсказами первая насадила вѣру въ сынѣ (кн. 6, 5; 7, 7). Сначала мальчикъ долго вѣрилъ по-дѣтски. Онъ благоговѣлъ предъ святымъ образомъ Спасителя, со слезами молился объ избавленіи отъ приключающихся печалей, часто мечталъ о благахъ вѣчной жизни, (кн. 1, 9, 11). Знакомство съ ученіемъ манихеевъ потребовало отъ юноши вѣры серьезной,—разумной. Послѣдняя обрѣлась. Августинъ съ грустью припоминаетъ, что твердо вѣрилъ глупымъ бреднямъ сектаптовъ. (кн. 3, 6). Когда Августинъ разочаровался въ истинности манихейства, вѣра не покинула его, а, напротивъ, спасла отъ скептическаго отчаянія. „Никакія разногласія философовъ не могли заставить меня отрѣчься отъ вѣрованія въ бытіе Божіе, разсказываетъ Августинъ, а равно и въ Божественный Промыслъ надъ судьбами человѣческими... Я вѣрилъ этому иногда тверже, ипогда слабѣе, но всегда вѣрилъ, и тому, что Богъ существуетъ и тому что Онъ промышляетъ о насъ; хотя въ то же время оставался въ неведеніи какъ о сущности Божественнаго естества (de Substantia), такъ и о ведущемъ къ Богу пути... При всѣхъ моихъ умственныхъ волненіяхъ вѣра католической церкви въ І. Христа, Сына Божія и нашего Спасителя твердо и непоколебимо пребывала въ моемъ сердцѣ. Конечно, вѣра моя во многомъ была еще несовершенна, являлась и колебалась внѣ православнаго ученія; но за-то она никогда не оставляла меня и со дня на день все больше и больше укрѣплялась“ (кн. 6, 5; 7, 5, 7). Столь постоянная, непоколебимая вѣра, естественно, побуждала своего обладателя давать уму непрестанный отчетъ въ соста-

¹⁾ См. напр. L. 13, с. с. 8, 12, 16; 19 и др.

вляемыхъ религіозно-нравственныхъ убѣжденіяхъ. Размышленіе показывало много-ли послѣднія содержать истины. Результатъ отсюда извѣстенъ. Августинъ вступилъ въ церковь, какъ единственную хранительницу единой истины. Въ моментъ обращенія его въ христіанство проявили себя всѣ характернѣйшія умственные и нравственные черты его возвышенной личности. Постоянная борьба его за истину и за православный идеалъ выступаетъ здѣсь съ очевидностью. Болѣзненные вздохи души за собственные же паденія доходятъ здѣсь до высшей степени. Любовь къ міру и Богу, сонное и бодрственное состояніе совѣсти, несносная тоска и дѣтская радость, такъ свойственныя каждому въ нѣкоторыя минуты жизни, говорятъ здѣсь самымъ естественнымъ языкомъ. Словомъ, если бы изъ жизни бл. Августина мы знали только этотъ эпизодъ, то, судя лишь по нему одному, мы получали-бы прекрасное представленіе о благородствѣ, возвышенности, чистотѣ, обще-человѣчности чертъ его личности...

Рѣшившись креститься, Августинъ удалился вмѣстѣ съ другомъ, Алипіемъ на виллу своего покровителя Верекунда, дабы въ тиши уединенія успокоиться отъ раньше испытанныхъ тревоженій. Тутъ опъ занимался преимущественно самоуглубленіемъ—обозрѣвалъ собственную жизнь и давалъ отчетъ совѣсти въ совершенныхъ поступкахъ. Раскаяніе не медлило, но опять забывалось при воспоминаніи о прелестяхъ свѣтскаго общества. Выслушавъ, напр. повѣсть о христіанскихъ аскетахъ, Августинъ пережилъ такое чувство. „Я былъ обнаженъ предъ самимъ собою и совѣсть моя возвышала свой голосъ. Стыдъ и ужасъ наполняли душу мою. Чего я не сказалъ самому себѣ? Какими побужденіями не старался подвигнуть души своей, чтобы она рѣшилась послѣдовать Тебѣ, Господи, Боже мой? Но душа моя все еще медлила, еще отрицалась рѣшаться, хотя уже не оправдывала самой себя. Какъ будто смерти страшилась она отрѣченія отъ тѣхъ привычекъ, которыя ни къ чему иному, кромѣ смерти, не могли привести ее“ (кн. 6, 6; 8, 7). Наконецъ, подобное раздвоенное состояніе въ Августинѣ разразилось муками раскаянія, а послѣднее закончилось полною побѣдою надъ при-

вязанностью въ міру. Случилось это—вотъ-какъ, передаетъ авторъ „Исповѣди“.

„При домѣ, въ которомъ мы жили, былъ небольшой садъ, находившійся въ нашемъ распоряженіи. Разъ душевное волненіе увлекло меня въ это мѣсто, гдѣ никто не могъ прервать начавшейся во мнѣ жаркой борьбы съ самимъ собою. Конецъ послѣдней я не могъ предвидѣть. Я только томился въ болѣзняхъ возрожденія моего растлѣннаго сердца, умирая для начатія новой жизни, зная только то, что я невыносимо страдаю, но не имѣлъ понятія о плодахъ этихъ страданій...

„Итакъ, я удалился въ садъ. Алипій слѣдовалъ за каждымъ моимъ шагомъ, ибо не могъ оставить меня въ моемъ смятеніи. Мы сѣли въ самомъ отдаленномъ мѣстѣ; я трепеталъ душою, трепеталъ отъ сильнаго негодовапія на себя за то, что все еще медлю примириться съ Богомъ и начать новую жизнь, о которой тосковали всѣ кости мои...

„Алипій, сидя подлѣ меня, ожидалъ въ безмолвіи конца этому чрезвычайному волненію. Но когда внимательное размышленіе раскрыло въ глубинѣ души моей всю ея бѣдность и живо представило послѣднюю глазамъ моимъ, тогда моя душа покрылась густымъ мракомъ новой возстающей бури, готовой пролить обильные потоки слезъ. Я всталъ и удалился отъ Алипія, чтобы не попрепятствовать этой бурѣ разразиться. Уединеніе казалось мнѣ благопріятнѣе для изліянія слезъ. Я отошелъ довольно далеко, чтобы его присутствіе еще болѣе не обременило меня. Въ такомъ состояніи былъ я тогда, и Алипій понялъ это: не знаю, что я ему сказалъ, но голосъ мой уже изнемогалъ отъ тяжести слезъ. Алипій остался тамъ, гдѣ мы сидѣли, будучи неподвиженъ отъ изумленія, а я, отошедши, повергся на землю подъ однимъ деревомъ и далъ волю слезамъ. Слезы лились изъ очей моихъ, какъ потоки... Изъ сердца моего исторгались жалобы и стenanія. „Когда же? говорилъ я себѣ. Въ какой день? Завтра! Для чего не теперь?.. Почему часъ сей не будетъ послѣднимъ часомъ моего поношенія“?..

„Такъ я говорилъ самъ себѣ и плакалъ въ горестномъ сокрушеніи сердца. Вдругъ слышу какъ-бы младенческой го-

лось, поющій и повторяющій слова — „возьми—читай, возьми—читай“. Я измѣнился въ лицѣ, и, такъ какъ голосъ представлялся мнѣ исходящимъ изъ сосѣдняго дома, то я старался припомнить—пѣтъ-ли въ дѣтскихъ играхъ такого припѣва; однако-жъ не могъ придумать, чтобы когда нибудь прежде слыхалъ его. Тогда, удержавъ потоки слезъ и увѣрившись, что это былъ голосъ Божій, я принялъ его за повелѣніе взять книгу и прочитать въ Писаніи первое мѣсто, которое мнѣ откроется. Я прежде слышалъ, что св. Антоній призванъ былъ гласомъ Евангелія, во время чтенія котораго онъ какъ-бы нечаянно услышалъ и обратилъ къ себѣ слѣдующія, тогда читанные слова—„иди, продай имѣніе твое, и роздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище на небесахъ“ (Мѡ. 19, 21).

„Тогда поспѣшно я возвратился къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Алипій. Тамъ прежде оставлена была мною книга Апостольскихъ посланій. Я тотчасъ взялъ ее, раскрылъ въ молчаніи и прочелъ слѣдующія слова открывшагося мѣста—„ни пированіямъ и пьянству, ни сладострастію и распутству, ни ссорамъ и зависти (т. е. не предавайтесь), но облекитесь въ Господа нашего Іисуса Христа, и попеченія о плоти не превращайте въ похоти“ (Рим. 13, 13—14). Я не хотѣлъ читать далѣе: мнѣ болѣе было не нужно. Въ самомъ дѣлѣ, едва я кончилъ эти слова, въ сердцѣ моемъ разлился свѣтъ вѣры и убѣжденія и мракъ сомнѣній исчезъ“ (кн. 8, гл. 8—12).

Такъ философъ Августинъ сдѣлался христіаниномъ,—такъ, скажемъ словами одного изъ біографовъ великаго учителя Церкви,—у тихой пристани остановился этотъ смѣлый пловецъ, изслѣдовавшій бесполезно столько береговъ, обогнувшій столько мысовъ, подвергшійся ударамъ столькихъ бурныхъ плаваній. Онъ прошелъ море ошибокъ, которое, спокойное по временамъ, часто выходило изъ своей тишины и открывало ему страшныя бездны; преслѣдовалъ море сомнѣнія, еще больше обильное бурями; наконецъ, онъ входитъ въ море истины, голубыя и стеклянныя волны котораго никогда не были знакомыми съ кораблекрушеніями. Самъ Богъ посылаетъ его въ лучезарныя и спокойныя неизмѣримости этого океана истины,

и его умъ и сердце, прибитые къ этому берегу, получаютъ въ изобиліи неизрѣченное блаженство, ибо достигли своего желаннаго идеала ¹⁾. Теперь „блаженный“ Августинъ ставитъ лишь одного Бога „предметомъ самой искренней и пламенной любви“ (кн. 10, 2), теперь онъ „безстрастно вспоминаетъ о собственныхъ прежде страстныхъ увлеченіяхъ“ (Ib. 14), теперь онъ „всецѣло отрѣшается отъ самого себя“, но, главное—теперь онъ чувствуетъ душевный и тѣлесный покой отъ пережитыхъ тревоженій:

Чтобъ чрезъ покой все оживить —

На новый трудъ высокій ²⁾ —

на трудъ учителя Церкви, обуреваемой расколами и нестроеніями...

Ал. Волковъ.

¹⁾ Poujoulat. Histoire de Augustin. I, p. 41.

²⁾ Изъ гимна св. Амвросія. См. Iib. 9, с. 12.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**